
«РОССИЙСКОЕ ЮНОШЕСТВО ДОЛЖНО БЫТЬ ВОСПИТЫВАЕМО... ХОТЯ И В ДОМАХ СВОИХ, НО ВСЕГДА В РОССИИ»: СЕМЕЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

М.В. Болотина

Кафедра общегуманитарных дисциплин
Институт государственного администрирования
Ленинский проспект, 80, Москва, Россия, 117261

В предлагаемой статье рассматриваются особенности домашнего образования в России в этот период и его значение, а также отношение государства к семейному образованию и механизмы контроля государством обеспечения должного уровня образования и высокого уровня нравственности при домашнем образовании и воспитании детей.

Академик Д.С. Лихачев, участвуя в полемике ученых по поводу времени появления первой школы на Руси, сказал: «Да так ли важно, какая школа была самой первой! И после принятия христианства еще долгое время основным было домашнее обучение. Так что правильнее, наверное, начала русской педагогики искать в семье, в ее укладе, традициях, обычаях» (1).

Энергично и последовательно вводить обязательное государственное образование начал Петр Великий. Как известно, обязательность обучения при Петре I относилась к духовенству, дворянству и вообще к детям служилых людей. Началом этих мер для дворянства можно считать указ от 20 декабря 1715 г., по которому «всех знатных особ детей, от 10 лет и выше, велено выслать в школу С.-Петербургскую».

Затем с 1720 г. проходит ряд поверочных смотров, с целью разбора детей, смотря по возрасту и состоянию, для назначения в школы, на службу или для отпуска домой. Так как привоз на смотр детей в Петербург оказался для родителей обременительным, то были допущены льготы в представлении детей. Дети младше 12 лет отпускались в дома родителей, где могли обучаться и домашним способом; но обучаться должны были непременно. Из дел и указов того времени видно, что дети дворянские, офицерские и прочих служилых людей являлись на эти смотры неисправно, укрываясь под разными видами, и бродили по городам, «дабы свое звание утаить» и тем самым избежать обучения.

Правительство, желая всем дать средства к образованию, кроме цифирных, учредило в городах школы с казенным содержанием для учеников; но они, не желая собственной пользы, «от наук убегают и тем сами себя губят». Это вызвало со стороны правительства новые меры и репрессии, особенно после императора Петра I, когда была организована более строгая «система смотров» для предупреждения уклонений от обязательства давать детям образование в школах и дома. 6 мая 1736 г. императорским указом было велено производить смотры или разборы дворянских детей повсеместно. Малолетних всех записывали в школы, бедных решено было принимать на казенное содержание.

Манифест Анны Иоановны от 31 декабря 1736 года предоставил дворянству льготы — родителям, имеющим многих сыновей, разрешалось оставлять одного дома при себе, назначив сроки для учения и службы. Полагалось «в науках быть от 7 до 20 лет». Указом императрицы Анны Иоановны от 9 февраля 1737 года этот 13-летний период обучения делился на 3 срока: до 7 лет дети не обязывались учиться; время от 7 до 12 лет отводилось на обязательное элементарное образование (на смотрах после этого срока требовалось умение читать и писать).

Обучение дворянских сыновей производилось в домашних условиях сторонними учителями на средства родителей. Время от 12 до 16 лет назначалось на дальнейшее образование, при этом домашнее обучение разрешалось в этот срок только при предоставлении родителями достаточных гарантий. Гарантии эти были нравственные (если родители докажут, что их дети до 12 лет уже начали изучение арифметики и геометрии) и имущественные. Дозволялось брать на дом для обучения детей дворянам, имевшим свыше 1000 душ крестьян. Дети отпускались домой с «крепким обязательством» вести обучение как следует (2).

К XIX в. домашнее воспитание в дворянской семье имело следующий вид: из рук крепостных дядьки или нянюшки ребенок поступал под присмотр гувернеров — чаще всего французов, реже англичан. Образование девушек было, как правило, более поверхностным и значительно чаще, чем для юношей, домашним. Обычно оно ограничивалось получением девушками навыков бытовых бесед на иностранных языках (чаще всего — на французском или немецком), а также начальными знаниями по истории, географии и словесности. К этому добавлялось умение танцевать и держать себя в обществе, элементарные навыки рисования, пения и игры на каком-либо музыкальном инструменте. Знание английского языка свидетельствовало о более высоком уровне образования. С началом выездов в свет обучение прекращалось.

Бывали и исключения, например, обучение пятнадцатилетней Натальи Сергеевны Левашовой, девушки из Уфы. Г.С. Винский (ее учитель) свидетельствовал: «Скажу, не хвалясь, что Наталья Сергеевна через два года понимала столько французский язык, что труднейших авторов, каковы: Гельвеций, Мерсье, Руссо, Мабли, переводила без словаря; писала письма со всей исправностью правописания; историю древнюю и новую, географию и мифологию знала достаточно» (3).

Цели и качество обучения зависели в равной мере как от учителей, так и от семьи, ее духовной направленности (особенно — от устремлений матери). Например, Прасковья Осипова (урожд. Вындомская) (дочь сотрудника журнала «Беседующий гражданин», ученика Н.И. Новикова и знакомого А.Н. Радищева, соседка А.С. Пушкина по Михайловскому), воспитывала своих дочерей в имени так, что они стали литературно образованными людьми, владеющими французским и английским языками (4).

Уровень подготовки гувернеров, приглашаемых к детям, был очень разнообразным: от высокообразованных до откровенно безграмотных. Ходили анекдоты о французе, преподававшем французскую грамматику, который на вопрос, что такое модальные глаголы, отвечал, что он давно покинул Париж, а моды

там переменчивы! Он просто считал, что слово «модальность» происходит от слова «мода»! В 1770 году французский посол узнал в одном учителе ... своего бывшего кучера! Можно ли, спрашивал сотрудник одного сатирического журнала, рассчитывать на нравственное воспитание ребенка, отданного на руки такого воспитателя (5)?

Тот же Г.С. Винский в своих воспоминаниях рассказывает, что судьба сделала его домашним учителем. Теперь надо было готовиться к занятиям, читать книги. Оренбургский губернатор имел богатую библиотеку и разрешил ею пользоваться. «Первый Вольтер заохотил меня читать и рассуждать, — пишет Винский. — Занимательный слог, смелые истины тотчас мною переведены и сообщены знакомым как новость. Похвалы, благодарность более и более заставляли упражняться в переводах, а сим самым приобреталась нравственность...» (6). Но ведь счастливого превращения могло и не произойти.

В начале XIX века государство попыталось поставить под контроль воспитание юношества не только в государственных учебных заведениях, но и в частных пансионах, и даже при домашнем обучении.

В уставе 1828 г. § 324—325 касались деятельности учителей в частных домах: «Учители и учительницы, живущие, или обучающие в домах частных людей, обязаны соблюдать общие для учителей установленные правила. Училищное начальство принимает надлежащие меры, дабы никто из не имеющих права обучать не вступал в должность учителей или учительниц, даже и в домах частных людей» (7).

18 февраля 1831 г. император Николай Павлович издал Указ Правительствующему Сенату «О воспитании Российского юношества в отечественных учебных заведениях». В нем обращается внимание на вредные последствия чужеземного воспитания: молодые люди возвращаются в Россию с самыми ложными о ней понятиями; не зная ее истинных потребностей, законов, нравов, порядка, а нередко и языка, они являются чуждыми посреди всего отечественного.

В «отвращение этого» было постановлено: «Российское юношество от 10 до 18 лет должно быть воспитываемо предпочтительно в отечественных публичных заведениях, или, хотя и в домах своих, под надзором родителей и опекунов, но всегда в России. Те, при воспитании коих не будут соблюдены вышеизложенные правила, лишаются права вступать в военную и во всякую государственную службу» (8).

Этим Указом косвенно было подтверждена необязательность государственного образования. И родители, особенно дворяне, продолжали приглашать учителей к своим детям на дом.

12 июня 1831 г. вышли «Дополнительные постановления» к Уставу 1828 г. о лицах, занимающихся содержанием частных учебных заведений и обучением юношества. Вот один из фрагментов этого документа. «Относительно иностранцев, имеющих вновь прибывать в Россию для посвящения себя воспитанию юношества, поручить Российским Миссиям в чужих краях: а) внушать сим людям, чтобы при отправлении в Россию они снабжали себя нужными до-

кументами о своем состоянии, образовании, вероисповедании и поведении, поставляя им на вид, что без таковых сведений они встретят в России затруднение определиться в училища или в частные дома; б) разведывать самим о сих людях и сообщать сюда все то, что о них узнают, и в) неблагонадежным или подозрительным вовсе не выдавать паспортов на отъезд в Россию».

Далее в нем сказано: «От дядек и мамок иностранных, употребляемых в частных домах для присмотра за физическим воспитанием детей», никаких свидетельств о познаниях не требовать, но они должны иметь удостоверения: во-первых, о добром поведении своем, и, во-вторых, от священника их вероисповедания, что они известны ему своим благочестием». Запрещение по Уставу 1828 г. допускать не имеющих права обучать в учителя или учительницы в частные дома «не должно быть прилагаемо»: а) к российским подданным, занимающимся обучением одной грамоте, т.е. чтению и письму по-русски; б) к священно- и церковнослужителям греко-римского исповедания, обучающим также грамоте и Закону Божию, и в) к родителям, родственникам или другим лицам, обучающим детей добровольно, не из платы, по родству, по дружбе или по знакомству (9).

25 марта 1834 г. вышел императорский Указ «О воспреещении принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от Русских Университетов». По этому Указу строго воспреещается иностранцам вступать в звание наставников и наставниц без предварительных испытаний умственных и нравственных качеств. Во всей России воспреещено принимать в дома дворян, чиновников и купцов иностранцев обоого пола, не получивших аттестатов от русских университетов на учительские, наставнические и гувернерские звания и не имеющих свидетельств о нравственности поведения.

При нарушении постановления ответственность лежит как на лице родителя, принявшего в дом иностранца без аттестата, так и на нем самом. «Мы уверены, что родительская нежность и здравый смысл любезнейших верноподданных Наших вполне открывают им всю важность и пользу сих мер; что каждый, истинно Русский отец разделяет Нашу заботливость о водворении по всему пространству Империи воспитания, согласно с духом Наших учреждений, и о предохранении юных сердец от впечатлений, противных вере, нравственности и народному нашему чувству» (10).

Вопрос народного воспитания настолько важен для правительства, что уже 1 июля 1834 года было принято Положение о домашних наставниках и учителях. Оно позволило связать домашнее воспитание с публичным и поставить его под контроль государства. Этим положением ввели особые звания домашних наставников, учителей и учительниц. Домашними наставниками, учителями и учительницами могли быть люди всякого свободного состояния, христианского вероисповедания, подданные Российского государства. (Иностранцы, не являющиеся подданными государства и не желающие ими становиться, могли быть домашними учителями и наставниками, но не могли пользоваться преимуществами и выгодами, предоставляемыми этим Положением.)

Звание домашнего наставника могли получить только лица, окончившие полный курс высших учебных заведений, выдержавшие с успехом испытание или удостоенные ученых степеней в Духовных Академиях, если после увольнения из Духовного ведомства желали посвятить себя воспитанию детей в частных домах.

Для того, чтобы стать домашними учителями, необходимо было доказать на установленном для этого испытании, что они имеют не только общие, но и подробные и основательные сведения в тех предметах, которые они намерены преподавать. Вышедшие в отставку учителя гимназий и равных им учебных заведений, после трех лет преподавания, имели право быть домашними учителями и получали установленное свидетельство без испытаний. Наставники и учителя, кроме преподаваемых ими предметов, могли по желанию родителей обучать детей искусствам и художествам, но обучение только этому не давало никаких прав и преимуществ, предоставляемых Положением.

К испытанию на звание домашнего учителя допускались после предъявления метрических свидетельств и одобрительных отзывов о поведении и нравственных качествах от тех заведений, в которых они воспитывались, и от начальства мест их проживания. Отставные военные и гражданские чиновники, желающие стать домашними наставниками, должны были предоставить выданные им при отставке аттестаты. Лица, отставленные за дурное поведение, а также состоящие под судом или неоправданные по суду, не допускались к испытаниям вообще. Лица податных состояний должны были предоставить увольнительный вид от общества. Иностранцы, прибывшие из-за границы, должны были предоставлять одобрительные свидетельства от наших миссий в тех государствах, откуда они прибыли.

Испытания проводились в университетах или лицеях, а в тех губерниях, где нет высших учебных заведений, — в гимназиях.

Испытуемые в присутствии комитета отвечали устно на вопросы по тому предмету, которому намерены были обучать; кроме этого, требовалось написать краткое рассуждение по этому же предмету на русском или одном из новейших иностранных языков. После этого для этой же комиссии прочитывалась пробная лекция.

Если претензий по испытаниям и бумагам не имелось, попечитель выдавал свидетельство на звание домашнего учителя. Для получения свидетельства «на звание наставника» предоставляли аттестат «на звание действительного студента» или «диплом на ученую степень». Обо всех выданных свидетельствах попечители сообщали министру народного просвещения.

При поступлении в частные дома для воспитания детей свидетельства предъявлялись директору гимназии и уездному предводителю дворянства. Все лица, получившие свидетельства от попечителя, считались состоящими на действительной службе по ведомству Министерства народного просвещения и имели право носить виц-мундир, установленный для чиновников этого министерства, с губернскими гербами на пуговицах.

Через год успешной службы в каком-либо частном доме, по засвидетельствованию родителей, уездных предводителей дворянства и местного училищного начальства о поведении, усердии и способностях наставника, происходило утверждение в чин, соответствующий студенческому званию или ученой степени.

При производстве в чины домашних учителей и наставников имелись различия, связанные с полученным образованием и сословным положением. Лица, получившие образование в гимназиях и равных им учебных заведениях и имеющие по аттестату право на классные чины, утверждались в них. Обучавшиеся в этих учебных заведениях, но не получившие при выпуске права на классные чины, производились в чин 14 класса следующим образом. Происходившие из родовых дворян получали заветный чин через два года; из детей личных дворян, потомственных почетных граждан, купцов первой гильдии, священнослужительских православного, греко-униатского исповеданий и из детей евангелических и реформатских пасторов — через три года; из детей приказных служащих, ученых и художников, не имеющих чинов — через пять лет; из состояний, не имеющих право на вступление в государственную службу — через восемь лет.

Для лиц, обучавшихся в низших училищах или получивших домашнее образование, время беспорочной службы для награждения чином 14 класса увеличивалось на 1—2 года.

В следующий по порядку чин повышались домашние наставники через шесть, а домашние учителя — через восемь лет. Дальнейшее повышение в чинах домашних наставников, продолжавших *ревностно* заниматься воспитанием юношества, происходило по правилам для старших учителей гимназий. Домашние учителя повышались в чинах по правилам для штатных учителей уездных училищ.

Наставник, исполнявший «с похвалой» 25 лет свои обязанности и вырастивший за это время не менее трех молодых людей, принятых в студенты одного из русских университетов, приобретал почетное звание Заслуженного.

В Положении отражена была и ответственность за нарушения. Так, лица (как иностранцы, так и русские), устраивающиеся в частные дома, для воспитания детей не приобретаю свидетельств, дающих это право, подвергались штрафу в 250 руб. ассигнациями. Такому же штрафу подвергались и родители, принявшие в дом такого воспитателя. Вторично уличенные в данном нарушении иностранцы высылались за границу, русских подданных судили за лживый поступок (11).

2 августа 1834 г. министром народного просвещения были утверждены *Дополнительные правила о домашних наставниках и учителях*. Они уточняли порядок отношений домашних наставников и учителей с училищным начальством и формы выдаваемых свидетельств. По Дополнительным правилам домашние учителя и наставники подчинялись непосредственно губернским директорам училищ, которые обязаны «иметь их под надзором и доставлять им в нужных случаях законную помощь».

За период с 1835 по 1850 г. в Московском учебном округе было выдано 426 свидетельств на обучение в частных домах чтению и письму. По губерниям они распределены следующим образом: в Московской губернии — 279, в Тверской — 10, в Смоленской — 30, в Костромской — 9, в Ярославской — 35, в Тульской — 23, во Владимирской — 25, в Калужской — 14, в Рязанской — 1 (12).

Значительному числу претендентов на звание домашних учителей было отказано в выдаче свидетельств по причине недостаточных знаний. При возвращении документов им было позволено при желании подвергнуться новым испытаниям или получить свидетельство на начальное преподавание тех предметов, по которым проходили испытания, но без особенных прав и преимуществ (13).

В 1836 г. начальство Московского учебного округа обратилось с запиской в Кабинет Министров, в которой было сказано: «...многие лица, по познаниям своим в учебных предметах и языках, хотя бы и в состоянии были выдержать установленное для сего испытание, во всей строгости оно, но не могут с надлежащей точностью и благонадежностью исправлять обязанности помянутого звания по причине молодости и неопытности». 23 июня 1836 г. Император Николай Павлович повелел, чтобы лица, не окончившие своего воспитания в казенных заведениях, допускались к приобретению званий домашнего учителя и домашней учительницы только по достижении лицами мужского пола 18, а лицами женского пола — 16 лет (14).

18 марта 1848 г. император подписал Указ «О приостановлении на время приезда иностранных воспитателей и воспитательниц». К этому моменту появилось достаточное количество выпускников Главного педагогического института, которыми можно было заменить домашних наставников из иностранцев.

Признанием заслуг учителей и наставников, занимающихся домашним обучением и воспитанием, было введение медали для домашних учителей и наставников. Комитет Министров рассмотрел и утвердил рисунок медали для награждения домашних наставников и учителей. 13 января 1850 г. он был утвержден и Императором. На лицевой стороне утвержденной медали находится изображение Государя Императора, на обороте надпись: *1834 Июля 1-го дня* (время утверждения Положения о домашних наставниках и учителях) и кругом другая надпись: *за успехи в образовании юношества*. Десятилетнее беспорочное и усердное исправление должности домашнего наставника награждалось золотой медалью, должности домашнего учителя — серебряной. Размеры золотой и серебряной медалей были одинаковые (15).

Сказанное выше позволяет утверждать, что в первой половине XIX в. в Российской империи власти понимали важность и необходимость семейного образования молодежи, особенно ее женской части. Это позволяло, во-первых, экономить значительные казенные средства, во-вторых, охватывать образованием большую часть молодежи, в-третьих, существенно повышать религиозно-нравственный потенциал населения. В большинстве случаев домашние настав-

ники и учителя давали своим воспитанникам достаточный объем необходимых для жизни и труда знаний и практических навыков. Кроме того, в условиях семейного образования юноши и девушки отличались высоким уровнем нравственности, крепким здоровьем и четкими жизненными ориентирами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Учительская газета. — № 35(8972). — 22 марта 1988 года.
- (2) *Миропольский С.* Школа и государство. Обязательность обучения в России. — СПб., 1910. — С. 38—39.
- (3) *Краснобаев Б.И.* Русская культура второй половины XVIII — начала XIX века. — М., 1983. — С. 176—177.
- (4) *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб., 1994. — С. 87.
- (5) *Марченко Н.А.* Быт и нравы пушкинского времени. — СПб., 2005. — С. 265.
- (6) *Винский Г.С.* Мое время. — СПб., 1914. — С. 121, 139.
- (7) Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1875. — Ч. 1. — С. 257.
- (8) Там же. — С. 424.
- (9) Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1875. — Ч. 1. — С. 438—440.
- (10) Там же. — С. 755—756.
- (11) Там же. — С. 794—798.
- (12) ЦИАМ. — Ф. 459. — О. 2. — Ед. хр. 1478.
- (13) ЦИАМ. — Ф. 459. — Опись 1. — Ед. хр. 4915, 4917.
- (14) Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. — СПб., 1875. — Ч. 1. — С. 1147—1151.
- (15) Там же. — С. 1132—1133.

FAMILY EDUCATION IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

M.V. Bolotina

The Chair for General Humanities
The Institute of State Administration
Leninsky Ave., 80, Moscow, Russia, 117261

In the given article the particular qualities of the domestic education in Russia in this time frame are examined as well as and its core value. Likewise the attitude of the State towards the family education, the State control tools to ensure the proper level of education and the high level of morality in the domestic education and upbringing of children.